

Валерий ЗОЛОТУХИН: Я СОРОК ЛЕТ ВХОЖУ В ЭТИ ДВЕРИ

Вет. СССР - 2004
- 23 авг. - с. 5

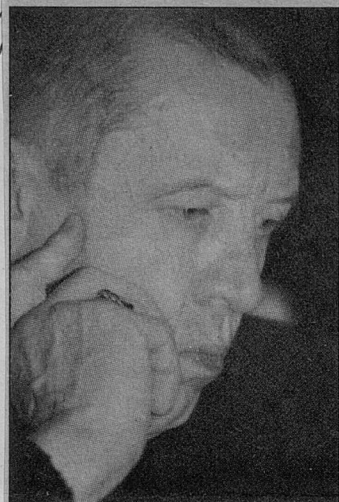

ФОТО ЕКАТЕРИНЫ ЦВЕТКОВОЙ

Валерий Золотухин — один из ведущих актеров «Таганки» — на протяжении сорока лет вел дневник и написал свою историю любимовского театра. Накануне юбилея «Таганки» он встретился с корреспондентом «ВМ»

— Валерий Сергеевич, кем вы сегодня ощущаете себя на «Таганке-2» — «последним из могикиан», кем были актеры той, легендарной «Таганки», или просто старшим в молодой команде «Таганки» нынешней?

— Последним я себя не ощущаю, я всегда был первым. Спектакли, где я играю, — гениальные, а где нет — просто хорошие. Шучу. А если серьезно — я сорок лет вхожу в эти двери. Нынешняя, как вы говорите, «Таганка» для меня началась с «Живаго» — это спектакль XXI века! Он так же насыщен театральными идеями, как в свое время «Добрый человек из Сезуана» или «Живой». Идеями, которые многие театры уже позаимствовали, да и слава Богу. А сегодня я снова с трепетом жду любимовской премьеры.

— А что вас держит сегодня здесь в первую очередь — человеческая верность, верность Дому, который нельзя оставлять ни при каких обстоятельствах, или эстетика «Таганки»?

— Очень просто: меня здесь держит дело. Я ведь оптимист и верующий человек. Я вижу, как живет этот театр, какой он живой, несмотря на свой преклонный возраст. Сорок лет назад, увидев «Доброго человека из Сезуана», я понял, что это явление, это то дело, в котором я хочу принимать участие всю оставшуюся жизнь. И ушел из Театра имени Моссовета — не самого плохого, кстати, театра, где играли тогда Марецкая, Мордвинов. Я пришел к Любимову и сказал, что готов играть все — хоть молча на сцене сидеть. Я не знал, что значит эстетика да система, я просто сидел в зале, обливаясь натуральными, всамделишными слезами и завидовал моим ровесникам на сцене. Мы с Ниной Шацкой пришли к Любимову в кабинет и исполнили что-то опереточное, без аккомпанемента, под «ляля». И он нас взял, потому что ему нужны были артисты. Ему ведь дано было уникальное право за три года полностью реорганизовать театр.

— Давайте попробуем составить некий рейтинг под условным названием «Десять дней, которые потрясли «Таганку»...

— Вы имеете дело со своего рода архивариусом «Таганки», но я ведь субъективен.

— На ваш субъективный взгляд, какой период был для «Таганки» самым светлым?

— Для меня — спектакль «Живой», да и для театра — тоже. Вспомнить хотя бы: за возможность посмотреть репетицию «Живого» давали ордер на квартиру. И дело не только в том, что «Живой» считается лучшим спектаклем Любимова. Для меня ожидание выпуска «Живого» с 1968 по 1989 год — это два-

дцатидолголетнее «ожидание Годо» — фактически и составило пафос моей жизни в профессии: я жил надеждой на то, что у меня будет Кузькин, и многое на это списывал.

— А самый трагический?

— Раздел «Таганки», как ни крути. Эта наша общая тяжесть и позор. Хотя, когда начинаешь размышлять, кажется, что, может, это и к лучшему. Ушла какая-то недобрая половина. Ведь победителей не судят. Видно же, как работает Любимов и как живет вторая половина «Таганки». Когда они делали свой первый спектакль — «Чайка», то я — прости меня, Господи, грешен — больше всего боялся, что у них будет успех, будет конная милиция и народ повалит, как на «Доброго человека». Надо молиться за своих врагов, и по большому счету я желаю им добра, но я бы лукавил перед вами, если бы сказал, что желал им успеха. Можно было бы говорить об их правоте, если бы они сделали театр или хоть один приличный спектакль. Но ведь этого не случилось.

— Раздел «Таганки» в прямом смысле прошел по вашей семье*. Как складывались потом ваши отношения и как отнесся к происходящему ваш сын Денис?

— Поскольку он жил с Леной и Ниной и слышал их разговоры, разумеется, он поддерживал их. Как ребенок может понимать, кто из родителей прав, если даже взрослые и более искушенные люди не понимали. Но когда начались личные Леныны выпады против меня, он стал на сторону отца. (Я имею в виду Леныно «открытое письмо» мне, которое было расклеено по театру клеевой краской — так, что с ним «справились» потом только маляры.) До этого у нас были хорошие отношения. Я помогал Нине вводиться в «Бориса Годунова». Я даже заночевал у них как-то по какому-то нетрезвому делу. Но раздел — как крушение империи в «Докторе Живаго», когда брат пошел на брата, разорвал личные отношения. Я до сих пор не понимаю, как такое могло случиться, — знаю теперь только, что могло.

— А что у вас ассоциируется со словами «триумф «Таганки»?

— Я бы назвал... 60-летие Любимова, 77-й год. Еще жив Володя, впереди гастроль в Париже. Уже идут «Гамлет» и даже «Вишневый сад» недавно приглашенного Анатолия Эфроса, после которого между двумя великими художниками наступил полный разрыв — когда машина одного подъезжала к театру, машина другого отъезжала. И вот мы пируем на юбилее Любимова, где никто не ждал Эфроса. И вдруг среди шума, гама и хмельной веселости стала образовываться незаказанная тишина. По рядам пронеслось «в театре Эфрос... Эфрос... Эфрос». По лестничному

маршу театра поднимался Эфрос. На пир победителей. Любимов непредсказуем, но Эфрос умен. Он сказал коротко, кротко, точно: «Уважаемый Юрий Петрович! Дорогой Юра! Поздравляю тебя. Сегодня у тебя есть все: талант, успех, слава, театр. Одного у тебя нет — того, что ты так не любишь, но очень хочешь иметь... «Вишневого сада». И подарил ему самое первое издание пьесы. «Бедный Юрик» поплыл. Я таким его видел впервые, а потом — только на похоронах Высоцкого.

— Валерий Сергеевич, а почему именно к вам попала посмертная маска Высоцкого, и правда ли, что она реагирует на ваше настроение, улыбается или хмурится?

— Это была воля скульптора Юры Васильева. Он прочитал в одном из моих рассказов, что я не мог бросить горсть земли на могилу друга, потому что стоял в оцеплении. Он сказал, чтобы я не жалел, что не бросил эту горсть, потому что написанное мной — это и есть та самая горсть земли на могилу. Он передал мне эту маску — авторскую, под номером три. И предупредил, чтобы я ее никому не передавал и не делал копий. Да, она реагирует на мой настрой, но это скорее зависит от игры моего воображения. Тут важно не заиграться, не словить чертичку. Все, больше ничего не скажу — «Портрет Дориана Грея» сочинять не буду.

— Судя по «Таганскому дневнику», вы никогда не расставались с записной книжкой...

— Не только с книжкой, но и с магнитофоном. Например, на том ответственном собрании на гастролях в Чехословакии, когда советские танки вошли в Прибалтику. Любимов поименно поднимал каждого артиста, чтобы тот выразил свое отношение. А потом вывел труппу к восемнадцати камерам и сделал заявление, что театр может не вернуться, пока фашистская клика Горбачева находится у власти. Собрание — прямо перед «Борисом Годуновым». Министр культуры СССР стоит в кулисах и трясется — а ему ведь сейчас Бориса играть. Как он вообще, бедный, текст произнес?! Помню, Коля подошел ко мне со слезами на глазах: что, мол, Любимов не мог подождать хотя бы когда мы сыграем? Он ведь был чиновником высшего ранга, человеком из команды Горбачева. По-человечески я его очень хорошо понимаю. А Любимов этого не понимает, ему наплевать, кто ты — министр, чиновник или президент, если ты играешь в его спектакле. У него нет «табели о рангах» — он со мной разговаривает так же, как с молодым актером, как с любым профессионалом. И правильно делает. Для Любимова высшая мера вещей — косяк сцена «Таганки».

Беседовала Ольга ФУКС

* Первая жена Валерия Золотухина Нина Шацкая вышла замуж за Леонида Филатова